

Jo Nesbø
Snømannen

Книги Ю Несбё

Книги о Харри Холе

Нетопырь

Тараканы

Красношейка

Немезида

Пентаграмма

Спаситель

Снеговик

Леопард

Призрак

Полиция

Жажда

Охотники за головами

Сын

Кровь на снегу

И прольется кровь

Ю Несбё
Снеговик

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.135.5-312.4Несбё
ББК 84(4Нор)-44
Н55

Jo Nesbø
SNØMANNEN

Перевод с норвежского Екатерины Гудовой

Оформление обложки
А. Касьяненко, К. Иванова

Несбё Ю

Н55 Снеговик : Роман / Ю Несбё ; Пер. с норв. Е.Гудовой. — М. : Инostrанка, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-389-11463-0

Поистине в первом снеге есть что-то колдовское. Он не только сводит любовников, заглушает звуки, удлинняет тени, скрывает следы. Годами в Норвегии в тот день, когда выпадает первый снег, бесследно исчезают замужние женщины.

На этот раз Харри Холле сталкивается с серийным убийцей на своей родной земле, и постепенно их противостояние приобретает личный характер. Преступник, которому газеты дали прозвище Снеговик, будто дразнит старшего инспектора, шаг за шагом подбираясь к его близким...

УДК 821.135.5-312.4Несбё
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-11463-0

© Jo Nesbø 2007
Published by agreement with Salomonsson Agency
© Гудова Е., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус", 2018
Издательство Инostrанка®

Часть первая

Глава 1

Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик

В тот день выпал снег. В одиннадцать утра огромные хлопья неожиданно повалили с бесцветного неба — будто вражеская армада из параллельного мира без боя захватила участки, садики и газоны Румерике. В два часа на Лиллестрём уже работали снегоуборочные машины, а когда в половине третьего Сара Квинесланн медленно и осторожно вела свою «тойоту-короллу» между виллами по улице Колловейен, на окрестных холмах пуховым одеялом лежал ноябрьский снег.

При свете дня дома казались ей незнакомыми, так что она даже проехала мимо въезда в его гараж. Сара резко затормозила, машина заскользила, и с заднего сиденья раздался вскрик. В зеркале показала недовольная физиономия сына.

— Я недолго, дружок, — сказала она.

Перед гаражом на белом снегу чернел большой прямоугольник асфальта. Она догадалась, что тут был припаркован соседский автомобиль. У нее перехватило горло: только бы не опоздать!

— А кто здесь живет? — спросил мальчик.

— Да так, один знакомый, — ответила Сара и машинально поправила прическу, глядя в зеркало. — Меня не будет минут десять, дружок. Я оставлю ключи, если хочешь, послушай радио.

Не дожидаясь ответа, она вышла и засемила в скользких туфлях к двери, через которую множество раз входила и выходила, но никогда вот так, среди бела дня, под любопытными взглядами из окон соседних коттеджей. Внутри дома, словно шмель в банке с вареньем, прожужжал звонок. С нарастающим отчаянием она ждала, посматривая в ближайшее окно, в котором отражались черные голые яблони, серое небо и белые, будто залитые молоком, окрестности. Услышав наконец шаги за дверью, Сара с облегчением вздохнула и в следующее мгновение бросилась к нему в объятия.

— Не уезжай, любимый, — взмолилась она, еле сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

— Мне надо, — ответил он тоном, каким повторяют до смерти надоевший припев.

Его руки нащупывали знакомые тропы — тропы, по которым он никогда не уставал бродить.

— Нет, тебе не надо, — прошептала она ему на ухо. — Ты сам хочешь уехать. Тебе тут скучно.

— Ну уж с тобой-то мне не бывает скучно...

Она уловила в голосе недовольство, хотя его руки, сильные и мягкие, тем временем скользили по ее коже, вниз по пояснице, забираясь под юбку, в колготки. Он и Сара были как опытная пара танцоров, чувствующих малейшее движение друг друга, дыхание, ритм. Вначале белый прекрасный пламень — любовь. Затем черный — боль.

Его руки приподняли ее пальто, потянулись под толстой тканью к соскам. Он обожал ее соски, подолгу ласкал — может, оттого, что у него их вообще не было.

— Ты припарковалась перед гаражом? — спросил он и с силой ущипнул их.

Она кивнула и почувствовала, как боль будто выпустила ей в голову стрелу желания. Ее лоно

распахнулось навстречу его пальцам, которые вот-вот окажутся там.

— Да. Мальчик ждет в машине.

Его руки замерли.

— Он ничего не знает, — простионала она, почувствовав, что его руки медлят.

— А твой муж? Он где?

— Где он может быть? На работе, конечно.

Теперь уже в ее голосе звучала досада. Потому что он впутал в разговор ее мужа, а она слова о нем не могла сказать не раздражаясь. А еще потому, что ее тело требовало его немедленно. Сара Квинсланн растегнула молнию на его брюках.

— Не надо... — начал он и схватил ее за запястье. Но тут она сильно ударила его другой рукой.

Он изумленно посмотрел на нее, а на скуле уже расплывалось красное пятно. Она вцепилась в его густые черные волосы и притянула его лицо к своему.

— Тебе придется уехать, — прошептала она. — Но сначала тебе придется трахнуть меня, понятно?

Она чувствовала его дыхание на своем лице. Теперь его было не остановить. Она еще раз ударила его свободной рукой, и его член начал набухать в ее ладони.

Он все еще двигался резко и сильно, но она уже кончила. Она оцепенела, волшебство исчезло, напряжение спало, и к ней вновь подступило отчаяние. Ей его не хватало. Даже теперь, когда он был рядом, ей его не хватало. Не хватало всех этих лет, что она провела в тоске, всех слез, что выплакала, всех тех отчаянных поступков, которые он заставлял ее совершать. Не давая взамен ничего. Ничего абсолютно.

Стоя с закрытыми глазами у края кровати, он продолжал свое дело. Сара взглянула на его грудь. Она долго не могла привыкнуть, но потом ей даже стала нравиться эта абсолютно гладкая белая кожа, обтягивавшая грудные мышцы. Она напоминала ей древние статуи, у которых, в угоду всеобщей стыдливости, тоже не было сосков.

Его стоны становились все громче. Она знала, что он вот-вот кончит с яростным рычанием. Ей нравилось, когда он так рычал. И это вечно удивленное, охваченное экстазом, почти болезненно искаженное лицо — будто оргазм каждый раз превосходил самые смелые его ожидания. Теперь она просто дожидалась его финального рыка — прощального мычания в холодной коробке его спальни, где рябило от фотографий, гардин, ковров. Скоро он оденется и уедет на другой конец страны, туда, где, по его словам, он получил деловое предложение, от которого не мог отказаться. Зато вот от этого он сможет отказаться. От этого. И все равно будет рычать от наслаждения.

Она закрыла глаза. Но рычания не последовало. Он остановился.

— Что случилось? — Сара открыла глаза.

Его лицо было перекошено. Но не от наслаждения.

— Рожа, — прошептал он.

Она вся сжалась:

— Где?

— Там, за окном.

Окно располагалось у изголовья кровати, прямо над ее головой. Она выгнулась и почувствовала, как он, уже опавший, выскользнул из нее. Окно было слишком высоко, так что лежа она не сумела ничего увидеть. И слишком высоко, чтобы кто-то мог заглянуть снаружи.

— Это было твое лицо, — произнесла она почти умоляющим тоном.

— Я тоже так сначала подумал, — отозвался он, продолжая смотреть в окно.

Сара встала на колени, взглянула. И там... там точно было чье-то лицо.

Она громко рассмеялась от облегчения. Лицо было белое, рот и глаза выложены черными камушками, подобранными, очевидно, на обочине дороги. А руки сделаны из яблоневых веток.

— Господи, — прошептала она, — да это же просто снеговик!

Смех перешел в слезы, она беспомощно рыдалась и тут же почувствовала, как его руки обнимают ее.

— Мне пора, — всхлипнула она.

— Побудь еще немного, — попросил он.

И она побыла еще немного.

Подходя к гаражу, Сара бросила взгляд на часы: прошло уже почти сорок минут.

Он обещал позванивать время от времени — всегда был большой мастер по части обещаний, и теперь она была этому даже рада. Сквозь запотевшие стекла машины она разглядела смутно белевшее лицо мальчика, который устался на нее с заднего сиденья. Она рванула дверь и, к своему удивлению, обнаружила, что та закрыта на замок. Сын открыл, только когда она постучалась.

Сара уселась за руль. Радио молчало, в салоне царил ледяной холод. Ключи лежали на пассажирском кресле. Она обернулась: ее мальчик был бледен, а нижняя губа у него дрожала.

— Случилось что-то ужасное? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Я его видел.

В его голосе звучал тоненький, царапающий кожу страх, какого она не помнила с тех самых пор, когда он был совсем маленьким и сидел между ней и мужем на диване перед телевизором, закрывая

ладошками глаза. А теперь у него ломался голос, он перестал обнимать ее на ночь, начал интересоваться автомобильными двигателями и девчонками. Однажды он сядет с одной из них в машину и тоже уедет от нее.

— Кого? — Сара вставила ключ в замок зажигания и повернула.

— Снеговика...

Двигатель молчал, и ее внезапно охватила паника. Как раз то, чего она боялась. Она повернула ключ еще раз, уставившись в лобовое стекло. Может, сел аккумулятор?

— А как он выглядел, снеговик-то? — Она выжимала до отказа газ и поворачивала ключ в замке с такой отчаянной силой, будто хотела его сломать.

Сын ответил, но его слова заглушил рев мотора — машина завелась.

Сара переключила передачу и резко сбросила сцепление, стремясь во что бы то ни стало поскорее убраться отсюда. Колеса забуксовали в свежее выпавшем мягком снегу. Она добавила газу, но машина так и стояла на месте, только задние колеса заскользили вдоль обочины. Но тут покрышки добурились наконец до асфальта, машина рванулась вперед и выехала на дорогу.

— Папа нас ждет, — сказала Сара. — Поехали быстрее.

Она включила радио и выкрутила звук на полную, чтобы салон наполнился хоть какими-то звуками, кроме ее собственного голоса. Диктор новостей в сотый раз сообщил, что этой ночью Рональд Рейган обошел в президентской гонке Джимми Картера.

Мальчик снова что-то сказал, и она взглянула в зеркало.

— Что ты говоришь? — повысила она голос.

Он повторил, но она опять не расслышала, убрала звук и повела машину к главной дороге и реке, которые двумя траурными лентами пересекали окрестности. И вдруг вздрогнула, потому что сын перегнулся к ней между передними сиденьями. Его голос сухим шепотом засвистел прямо у ее уха, как будто он боялся, что их услышат:

— Мы умрем.

Глава 2

2 ноября 2004 года. День первый. Каменные глаза

Харри Холе вздрогнул и открыл глаза. Было холодно, а из темноты доносился голос, который его и разбудил. Он сообщал, что американский народ должен сегодня решить, просидит ли Джордж Уокер Буш еще четыре года в Белом доме. Ноябрь, подумал Харри, встаешь — еще темно, приходишь со службы — уже темно. Он откинул одеяло и опустил ноги на пол. Линолеум был обжигающе холодный. Не выключив радиобудильник, Харри пошел в ванную. Посмотрел в зеркало. И тут ноябрь: смятый, бледно-серый, сумрачный. Веки, как обычно, красные, поры на носу будто большие черные кратеры. Под светло-голубыми глазами, в которых плескался алкоголь, — мешки, но они исчезнут после того, как их обладатель получит горячую ванну, массаж жестким полотенцем и завтрак. По крайней мере, он на это надеялся. Интересно, каким станет его лицо, если он бросит работу? Разгладятся ли морщины, смягчится ли затравленное выражение лица, с которым он просыпается после ночи, полной кошмарных снов? А ведь у него

чуть не каждая ночь такая! Харри довольно долго избегал зеркал, боялся в них заглядывать, но, покидая свою маленькую спартанскую квартирку на Софиес-гате (чтобы, миновав несколько улиц, превратиться в старшего инспектора отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло), все всматривался в лица людей, выискивая их боль, слабости, страхи, причины для самообмана. И пока рылся в нагромождениях их лжи, безуспешно старался понять, зачем он это делает. Для чего пытается разобраться в людях, которые сами даже не пробуют разобраться в себе. За осторожной стеной их ненависти он слишком часто распознавал презрение.

Харри попытался рукой пригладить жесткую щетку своих коротко стриженных светлых волос, которая располагалась в ста девяноста трех сантиметрах от замерзших ступней. Ключицы, обтянутые кожей, напоминали клещи. Закончив последнее дело, он много тренировался — кое-кто считал, что чересчур много. Помимо езды на велосипеде, он начал качаться в спортивном зале, находившемся в подвальном этаже здания Полицейского управления. Ему нравилась боль в мышцах, которая выжигала и вытесняла мысли. Но Сталлоне из него не вышло: он только худел, а мышечная масса не увеличивалась, мускулы залегли прослойкой между скелетом и кожей. Харри по-прежнему был широкоплеч — Ракель недаром называла его «атлет от природы», — но теперь все больше походил на освежеванного белого медведя (он как-то видел картинку: мускулистый, но поразительно худой хищный зверь). Так можно и вообще исчезнуть. Харри вздохнул. Ноябрь. Скоро будет еще темнее.

Он вошел в кухню, выпил стакан воды, чтобы унять головную боль, и удивленно сощурился,

глядя в окно: крыша на другой стороне Софиес-гате сверкала белизной, и отраженный свет резал глаза. Ночью выпал первый снег. Харри подумал о письме. Он частенько получал похожие письма, но это было особенным, в нем упоминался Тувумба.

По радио началась программа о природе, чей-то радостный голос рассказывал о тюленях:

— Каждое лето они собираются на побережье Берингова моря и спариваются. Поскольку самцов больше, конкуренция за самок довольно жесткая. Поэтому самец, добившийся самки, остается с ней до следующего брачного периода. Самец заботится о своей паре, пока появившиеся на свет дети не станут самостоятельными. Впрочем, дорожит самец не самкой, а своими генами и продолжением рода. В рамках теории дарвинизма это означает, что к моногамии тюленя подталкивает естественный отбор и борьба за выживание, а не мораль.

Ну надо же, подумал Харри.

Переполнившись восхищением, голос в радиоприемнике срывался на фальцет:

— Но прежде чем тюлени покинут побережье Берингова пролива и отправятся на поиски пропитания в открытое море, самец часто пытается убить самку. Почему? Да потому, что самка тюленя никогда не станет спариваться дважды с одним и тем же самцом! Она поступает так из соображений равномерного распределения рисков — точно так же, как на фондовом рынке. Промискуитет для нее биологически оправдан, и самец об этом знает. Убив свою самку, самец рассчитывает помешать молодняку других тюленей конкурировать в добыче пищи с его собственными детьми.

— Если уж речь зашла о теории Дарвина, то почему люди поступают не так, как тюлени? — спросил другой голос.

— Именно что поступают! Наше общество — и сейчас, и в прошлом — вовсе не так моногамно, как кажется на первый взгляд. Проведенное в Швеции исследование показало, что от пятнадцати до двадцати процентов детей на самом деле рождены не от того отца, которого они считают своим и который их также полагает родными. Двадцать процентов! То есть каждый пятый ребенок! Каждый пятый рожден во лжи, но при этом — в целях биологического многообразия.

Харри начал крутить рукоятку настройки в поисках сносной музыки. Он остановился на Джонни Кэше, исполнявшем старый хит группы «Eagles» «Desperado».

И тут в дверь громко постучали.

Харри пошел в спальню, натянул джинсы, вернулся в прихожую и открыл дверь.

— Харри Холе? — Человек в рабочем комбинезоне, стоявший в дверях, смотрел на Харри сквозь толстые стекла очков. Глаза у него были чистые, как у ребенка.

Харри кивнул.

— Грибок у вас есть? — серьезно спросил человек.

Наискось через лоб у него была начесана длинная прядь волос — будто приклеенная. Под мышкой — пластиковый планшет с прикрепленным к нему густо исписанным листом бумаги.

Харри подождал хоть какого-то объяснения, но его не последовало. Человек молча, не мигая смотрел на него.

— Знаете, — сказал Харри, — это все-таки очень интимный вопрос.

Человек выдавил улыбку, ясно показывающую, как ему все это осточертело:

— Грибок в квартире. Настенный грибок.

— У меня нет никаких оснований так думать, — ответил Харри.

— С грибом так всегда. Он редко когда дает такие основания. — Человек почесал висок и покачался на каблуках.

— Но? — поощрил его Харри.

— Но он там есть.

— А почему вы так думаете?

— У ваших соседей грибок есть.

— Ах вот оно что! Вы думаете, он распространился ко мне?

— Настенный грибок не распространяется. Домовый — да.

— Ну и?..

— В вентиляции вашего дома, которая идет вдоль стен, где-то есть дефект конструкции. Из-за этого разрастается настенный грибок. Можно мне взглянуть на вашу кухню?

Харри посторонился. Человек устремился в кухню, где немедленно приложил к стене оранжевый прибор, похожий на фен для волос. Тот два раза пискнул.

— Измеритель влажности, — пояснил человек и посмотрел на что-то вроде индикатора. — Я так и думал. Вы уверены, что не видели ничего необычного? Не улавливали никаких непривычных запахов?

Харри взглянул на него с недоумением.

— Пятна как на старом хлебе? — вопрошал человек. — Запах гнили?

Харри покачал головой.

— Может, у вас болят глаза? — настаивал человек. — Чувствуете порой усталость? Голова болит?

— Естественно, — пожал плечами Харри. — Сколько себя помню.

— То есть все время, пока тут живете?

— Ну... наверное. Послушайте...

Но человек не слушал. Он достал из-за ремня нож. Мощный удар — раздался стон: это лезвие прошло между листами гипсокартона под обоями. Человек выдернул нож, вставил обратно и выковырял небольшой кусочек раскрошенного гипса, оставив в стене черную дырку. Потом вынул маленький, размером с авторучку, фонарик и осветил в дырку. Между толстенькими стеклами его очков пролегла глубокая морщина. Человек приблизил к дырке нос и потянул воздух.

— Ну точно, — опечалился он. — Здравствуйте вам.

— Здравствуйте кому? — переспросил Харри и подошел поближе.

— Аспергиллус, — ответил человек, — семейство настенных грибков. Их триста-четыреста видов, и определить, какой именно, довольно тяжело. Они расплозуются тонким слоем за этими прочными панелями. Но запах такой, что ошибки быть не может.

— И что, это плохо? — осведомился Харри и попытался вспомнить, сколько у него осталось на банковском счете, после того как он вместе с отцом оплатил поездку Сестрёныша в Испанию. (Его сестра говорила про себя, что у нее «легкий намек на синдром Дауна».)

— Ну, это не домовый грибок, так что дом, конечно, не рухнет, — по-прежнему не мигая, объяснил человек. — А вот вы можете пострадать.

— Я?

— Он на вас воздействует. Дыша одним воздухом с настенным грибком, можно и заболеть. Вы можете не обращать внимания на недомогание годами, и окружающие будут считать вас просто ипохондриком, потому что грибок обнаружить

сложно, а остальные жильцы при этом абсолютно здоровы, поскольку проедает гипсокартон и обои он весьма неравномерно.

— Угу. Что вы предлагаете?

— Покончить с этой дрянью, конечно.

— И сколько мне это будет стоить?

— Расходы оплачиваются из страховки дома, так что вам это не будет стоить ни кроны. Все, что мне надо, — иметь доступ в квартиру в течение нескольких следующих дней.

Харри нашел в кухонном шкафу запасной комплект ключей и протянул их человеку.

— Он будет только у меня, — заверил тот. — Мало ли что. Всякое ведь бывает.

— Неужели? — грустно улыбнулся Харри и посмотрел в окно.

— Что?

— Да ничего, — успокоил его Харри. — Тут все равно красть нечего. Мне пора.

Низкое утреннее солнце сияло во всех окнах полицейского управления Осло, которое вот уже почти тридцать лет располагалось на вершине одного из холмов, тянущихся от Грэнланна до Тёйена. Отсюда полицейским — хотя вслух об этом старались не говорить — было рукой подать до самых криминальных районов, заселенных в основном эмигрантами, да и Байерн, столичная тюрьма, находилась совсем рядом. Здание управления было окружено газоном с бурой, жухлой травой, кленами да липами, которые за ночь покрылись тонким слоем сероватого снега, словно пытавшегося замаскировать непрезентабельность полицейского пейзажа.

Харри прошел по черному асфальту тропинки к главному входу и оказался в центральном холле, где висело фарфоровое настенное панно работы

Кари Кристенсена со струящейся по нему водой, которая все нашептывала кому-то о своих неизбывных тайнах. Кивнув охраннику за стойкой, он поднялся на лифте на шестой этаж, в отдел убийств. Полгода назад ему выделили в красной зоне собственный кабинет, но он продолжал заходить в тот, что делил раньше с Джеком Халворсеном, — тесный и без окон. Теперь там сидел Магнус Скарре. А Джек Халворсен лежал в сырой земле на кладбище Вестре-Акера. Родители сначала хотели похоронить его в родном городе, на севере страны, поскольку Джек и Беата Лённ — шеф криминалистического отдела — не были женаты и даже не жили вместе. Но потом, узнав, что Беата беременна и к лету должна родить от Джека ребенка, согласились похоронить в Осло.

Харри вошел в новый кабинет, который — он точно знал — навсегда останется для него новым. Это примерно как домашний стадион футбольного клуба «Барселона», каковой уже пятьдесят лет по-каталански называется «Камп ноу» — «Новый стадион». Харри опустился в кресло и включил радио, поздоровавшись кивком с фотографиями, которые стояли на полке, прислоненные к стене, а когда-нибудь — когда он наконец не забудет купить шурупы — будут висеть на стене. И Эллен Йельтен, и Джек Халворсен, и Бьярне Мёллер. Так они и стояли — в хронологическом порядке. Dead Policemen's Society — общество мертвых полицейских.

По радио норвежские политики и политологи высказывались об американских президентских выборах. Харри узнал голос Арве Стёпа, владельца популярной газеты «Либерал», известного как самый ловкий, наглый и остроумный «властитель дум» в стране. Харри сделал погромче и взял со

стола наручники фирмы «Пирлесс». Искусству скоростного застегивания наручников, отточеному на ножке стола, здорово разлохматившейся от подобного обращения, он обучился во время стажировки на курсах ФБР в Чикаго и отшлифовал его до совершенства одинокими вечерами в паршивой комнатенке в Кабрини-Грин под вопли ссорящихся соседей и с «Джимом Бимом» в качестве единственного собеседника. Задача заключалась в том, чтобы набросить открытые наручники на запястье арестанта и мгновенно защелкнуть замок. Точность движений и правильное распределение силы позволяло одним простым движением руки крепко приковать к себе арестанта, прежде чем он опомнится. Самому Харри никогда еще не приходилось применять этот прием, и лишь однажды, когда брали серийного убийцу, им воспользовался парень, которому он его показал. Наручник защелкнулся на ножке стола, а голос по радио прожужжал:

— Как вы думаете, Арве Стёп, на чем основывается скептическое отношение норвежцев к Джорджу Бушу?

— На том, что мы — слишком избалованная страна, которая никогда, по сути, не ввязывалась ни в какие войны, предпочитая, чтобы за нас воевали другие: Англия, Советский Союз и США. Ну а мы со времен Наполеоновских войн прячемся за спины старших братьев. Норвегия строит свою безопасность на том, что, когда приходится туго, ответственность на себя берет кто-то другой. И длится это уже так давно, что мы потеряли чувство реальности и свято верим: на земле живут только те, кто желает нам — самой богатой стране мира — исключительно добра. Норвегия ведет себя как болтливая тупая блондинка, которая вышла

прогуляться на задворках Бронкса, а теперь негодует, что ее телохранители так жестоко обращаются с теми, кто на нее напал.

Харри набрал телефон Ракели, единственный, кроме номера Сестрёныша, который он знал наизусть. Когда он был молод и неопытен, то думал, что плохая память — недостаток для следователя. Теперь он точно знал: так оно и есть.

— А под телохранителем подразумеваются США и президент Буш? — спросил ведущий программы.

— Да. Линдон Джонсон сказал однажды, что у США не было выбора, становиться им или нет, учитывая, что больше никто не вызвался. Наш телохранитель — парень из новых христиан с эдиповым комплексом и проблемами с алкоголем, достаточно ограниченный интеллектуально и морально, чтобы честно нести военную службу. Короче, тот самый парень, которого, к нашей радости, и выбрали американцы себе в президенты.

— Я так понимаю, это ирония?

— Вообще-то нет. Такому слабому президенту нужны будут советники, а в Белом доме они, поверьте, самые лучшие. Если кто-то, насмотревшись этого нелепого телесериала про Овальный кабинет, подумает, что у демократов какая-то монополия на умных людей, то при знакомстве с крайне правым крылом республиканцев он с удивлением обнаружит умы просто величайшие. Безопасность Норвегии в самых надежных руках.

— Подружка моей подружки спала с тобой, — зазвучал в трубке голос Ракели.

— Правда? — удивился Харри.

— Не с тобой, — объяснила Ракель. — Это я Стёпу говорю.

— Пардон. — Харри сделал радио потише.

— В Тронхейме после лекции он пригласил ее в свой номер. Она согласилась, но предупредила, что у нее удалена одна грудь. Он сказал, что ему надо подумать, и отправился в бар. Потом вернулся и увел-таки ее с собой.

— Хм. Надеюсь, его ожидания оправдались.

— Ожидания никогда не оправдываются.

— Точно, — ответил Харри, пытаюсь понять, что она имеет в виду.

— Планы на сегодняшний вечер? — спросила Ракель.

— В восемь часов в «Палас-гриле». Но там какая-то ерунда: нельзя заказать столик заранее. Что они этим хотят сказать?

— Думаю, это особый шик.

Они договорились встретиться в баре неподалеку. Повесив трубку, Харри задумался. Судя по голосу, Ракель ему обрадовалась. Или просто была в настроении. В настроении его увидеть. Он попытался понять: а он-то сам рад за нее? Рад ли он, что женщина, которую он так любил, теперь счастлива с другим мужчиной? В свое время был шанс и у него. И он его упустил. Так отчего же не радоваться тому, как у нее все хорошо сложилось, почему бы не отбросить наконец мысль о том, что у них все могло пойти по-другому, и не начать жить своей жизнью? Харри пообещал себе приложить к этому еще больше стараний.

Утреннее совещание закончилась быстро. Гуннар Хаген — комиссар, начальник отдела убийств — говорил о текущих делах. А поскольку никаких новых дел не было, то ни сотрудников, ни присутствовавших на совещании журналистов заинтересовать ему не удалось. Правда, Томас Хелле из отдела розыска пропавших без вести доложил

о расследовании по делу женщины, которая год назад исчезла из собственного дома. Никаких следов насилия, никаких следов преступника, никаких следов ее самой. Она была домохозяйкой, в последний раз ее видели в детском саду, куда она привела сына и дочь. У мужа и всех знакомых было алиби, уже проверенные. Хелле получил совет проконсультироваться по делу в отделе убийств.

Магнус Скарре передал всем привет от Столе Эуне — штатного психолога, которого он вчера навещал в Уллевольской больнице. Харри ощутил укол совести. Столе Эуне был не только коллегой по работе, но и его личным секундантом в борьбе с алкоголем, а также ближайшим и верным другом. Эуне госпитализировали с неясным диагнозом уже больше недели назад, а Харри все еще не удалось победить свою неприязнь к больнице. «В среду обязательно, — пообещал себе Харри. — Или в четверг».

— У нас новый сотрудник, — сообщил Гуннар Хаген. — Катрина Братт.

В первом ряду встала молодая женщина. Смотри-ка ты, настоящая красавица! И ведь не старается понравиться, подумал Харри. Тонкие темные волосы безжизненно свисали по обеим сторонам лица. Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, — такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес. Катрина Братт была одета в синий костюм, подчеркивавший ее женственность, но толстые черные колготки и простые удобные туфли безошибочно указывали: играть на этом она не собирается. Она стояла и скользила взглядом по присутствующим, как будто специально встала, чтобы рассмотреть их,

а не для того, чтобы себя показать. Харри готов был поручиться, что она тщательно продумала и костюм, и весь этот маленький спектакль, который давала в свой первый рабочий день в Полицейском управлении.

— Катрина четыре года проработала в отделе нравов Управления полиции Бергена, а также какое-то время в отделе убийств, — продолжил Хаген, посматривая в листок, который, как понял Харри, был ее резюме. — Закончила юридический факультет Бергенского университета в тысяча девятьсот девяносто девятом году, затем полицейскую академию, ну а теперь, стало быть, будет работать здесь. Детей пока нет, зато замужем.

Катрина Братт чуть заметно приподняла тонкую бровь. То ли Хаген это увидел, то ли догадался, что последняя фраза была лишней, только он добавил:

— Если кому интересно, конечно...

Последовала напряженная и многозначительная пауза, которая убедила Хагена в том, что он наломал дров. Он запнулся, крикнул, а потом предупредил тех, кто еще не записался на рождественский обед, что они должны успеть сделать это до среды.

Когда задвигались стулья, Харри уже был в коридоре. Его остановил голос:

— А я ваша.

Харри обернулся, встретил взгляд Катрины Братт и восхитился: какой красавицей она может быть, если захочет!

— Или вы мой, — улыбнулась она, показав ряд ровных зубов, но глаза ее оставались серьезными. — Это как посмотреть.

У нее был правильный бергенский выговор с небольшим акцентом, который натолкнул Харри

на мысль, что родом она из Фаны, или Калфарета, или другого солидного места.

Он двинулся дальше, Катрина торопливо шага-ла рядом.

— Такое впечатление, что комиссар вас ни о чем не предупредил, — произнесла она, преувеличенно нажимая на каждый слог в звании Гуннара Хагена. — Но именно вы должны в течение следующих дней помочь мне осмотреться и ввести в курс дела. Пока я не смогу работать самостоятельно. Как думаете, справитесь?

Харри заставил себя улыбнуться. Катрина ему нравилась, но он был готов в любой момент поменять мнение. Он вообще никогда не лишал человека шанса попасть в черный список.

— Не знаю. — Харри остановился у кофейного автомата. — Давайте тогда начнем.

— Я не пью кофе.

— Не важно. Кофе — это нечто само собой разумеющееся. Как и почти все тут у нас. Что вы думаете о пропавшей женщине?

Харри нажал на кнопку с надписью «американо», которая в данном случае означала совершенно норвежский растворимый кофе.

— Что именно? — спросила Братт.

— Думаете, она жива? — Харри попытался произнести это самым обычным тоном, чтобы она не догадалась, что он ее проверяет.

— Думаете, я дура? — ответила она вопросом на вопрос и с нескрываемым отвращением посмотрела, как автомат с хрипом выплевывает в белый пластиковый стаканчик черную жижу. — Может, вы не слышали, как комиссар сказал, что я четыре года проработала в отделе нравов?

Харри хмыкнул и уточнил:

— Значит, мертва?

— Мертвее не бывает, — подтвердила Катрина Братт.

Харри поднял стаканчик. Возможно, сегодня у него появилась коллега, которую он сможет уважать.

Вечером, когда Харри шел домой, снега на улицах уже не было, а маленькие снежинки, легко кружившиеся в воздухе, влажный асфальт слизывал, как только они его касались. Дойдя до своего любимого музыкального магазинчика, Харри вошел и быстро купил последнюю запись Нила Янга, как будто боялся, что она протухнет.

Оказавшись в квартире, он почувствовал: что-то не так. Незнакомый звук? Или, может быть, запах? На пороге кухни он застыл как вкопанный. Стены не было. Там, где еще сегодня утром светлые в цветочек обои прикрывали гипсокартон, он увидел ржавого цвета кирпичную стену, серый бетон и грязно-желтый деревянный каркас с дырками от гвоздей. На полу стоял ящик с инструментами специалиста по грибкам, а на кухонном столе лежала записка, где тот сообщал, что вернется завтра утром.

Харри пошел в гостиную, вставил диск Нила Янга в проигрыватель, через четверть часа нашел его отвратительным и решил послушать Райана Адамса. Мысль о выпивке возникла ниоткуда. Харри прикрыл глаза и уставился в танцующую кроваво-черную пустоту. Он снова вспомнил о письме. Первый снег. Тувумба.

Телефонный звонок разорвал песню Райана Адамса «Shakedown On 9th Street» надвое.

Женский голос представился как Уда. Она сообщила, что звонит из редакции программы «Боссе», и поблагодарила за прошлое сотрудничество. Ее саму Харри не вспомнил, зато вспомнил передачу.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё

Снеговик

Редактор Е. Гуляева

Корректор Д. Гуляев

Технический редактор Л. Синицына

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” –
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП “Издательство “Махаон-Украина”
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 17.05.2018. Формат 75 × 100/32.
Бумага газетная. Гарнитура “Журнальная”.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,63.
Доп. тираж 7000 экз. В-NUP-19492-09-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО “ИПК Парето-Принт”. 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru